

Знал слишком много правды и писал об этом

75 лет назад в Томске был казнен большевиками ученый, общественный деятель, журналист, редактор газеты "Сибирская жизнь" Александр АДРИАНОВ.

Он стал первым политическим узником томской тюрьмы после восстановления в городе советской власти. Счет жертвам красного террора открыл не белый офицер, не колчаковский контрразведчик, не купец или фабрикант, а 66-летний старик, называвший себя в анкетах "литератором". Но слишком уж много знал он правды о большевиках, откровенно и смело говорил и писал об этом.

По настоящему оценить его мужество мы смогли лишь спустя семь десятилетий, увековечив память о нем скромной мемориальной доской на здании, где он работал (угол Гагарина и Нахановича).

В архивно-следственном деле А.В.Адрианова едва ли не больше всего меня поразила опись конфискованных у него "вещей" (первые томские чекисты, как видно, не были отягощены обозванием). В списке значились: хомут - 1 штука, узда - 1, тулуп енотовый - 1, термометр - 1, наволочка - 1. А вот шкафов и дверных ручек - по 2, стульев и брюк - по 3, "пинжаков" - аж целых 7. Были там еще топорик, шпага, серебряная медаль, золотой крест и другие "вещи", в том числе и книги - в большом количестве. Заканчивался список двумя парами сапог старых и парой старых галос.

Кажется, ничего не забыли пролетарские конфискаторы, претворяя в жизнь установку: "отнять все и поделить". Советская власть обогатилась за счет еще одного ограбленного русского интеллигента-труженика, сына священника из Курганского уезда, выпускника Петербургского университета, многолетним трудом заработавшего себе не богатство, но достаток.

Истинное же богатство Александра Васильевича состояло совсем в другом: в его обширных знаниях, в любимом детище последних лет жизни - крупнейшей и авторитетнейшей к востоку от Урала газете "Сибирская жизнь", в его друзьях, наконец.

Одним из самых близких единомышленников и друзей был Григорий Потанин. Их объединяла искренняя любовь к Сибири, тревога за будущее России, погружавшейся в революционную пучину. Общность взглядов этих людей вылилась в строки платформы Потанинского кружка, членом которого был и Адрианов.

"Родина в опасности", - предупреждали потанинцы. "Иго большевизма - это иго людей, распоряжающихся страной, как самые лютые завоеватели", тогда как "стране нужен порядок... хлеб, работа и для всех равная свобода". Эти идеи Александр Васильевич проводил и в "Сибирской жизни".

Многие томичи считали эту газету своей. Разумеется, те, кто не был заражен экстремизмом. Когда из-за забастовки печатников выход газеты на несколько месяцев приостановился, читатели сокрушались: "Как-то нынче день начинается неладно. Раньше, бывало,

"Выписка из акта приведения приговора в исполнение. К делу N 1 Адрианова Александра Васильевича. Приговор приведен в исполнение. Справка: отношение за N 44 от 6 марта 1920 года".

утром прочтешь "Сибирку" и знаешь, как и что творится на белом свете... Теперь новости узнаешь на

службе в спутанном и извращенном виде... Другие газеты - не то. Все толкут воду в своих узких корытах".

В декабре 1919 года "Сибирская жизнь" умолкла навсегда...

А.Адрианов не творил кумиров - ни в своей газете, ни в общественной деятельности. Главными для него были авторитеты нравственные.

Примечателен эпизод, связанный с приездом в Томск председателя Временного Всероссийского белого правительства эсера Николая Авксентьева. Когда тот 10 ноября 1918 года вышел на трибуну Сибирской областной Думы в зале библиотеки Томского университета, все присутствующие встали и долго аплодировали. Остался сидеть лишь Адрианов. К нему подбежал другой эсер, член Думы М.Шатилов и, дергая за рукав, истерически закричал:

- Встаньте, встаньте!

Возник шум, заседание на пять минут было прервано.

Александр Васильевич не верил в государственную мудрость эсеров, не видел в них спасителей России.

Не преклонялся Адрианов и перед верховным правителем Колчаком. Более того, шел на конфликт с женщиной, если та проявляла чрезмерную ретивость в зажиме либеральной прессы. Командование Омского военного округа завело даже дело на строптивого редактора. Но разгром белых армий помешал довести его до конца. Зато пришедшие им на смену красные поспешили завести новов.

Адрианов был человеком не робкого десятка. "Ясный мыслитель, гражданин, археолог, богатырь-охотник, ходивший врукопашную на медведя", - вспоминал о нем сибирский писатель, впоследствии эмигрант Георгий Гребенщиков.

После схватки с таежным хищником Александр Васильевич остался в живых. Столкновение с революционной бесовщиной закончилось гибелью. Большевизм оказался страшнее дикого зверя.

Николай ЛАРЬКОВ,
Томский госуниверситет.